

ЛЕТНИК В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ (ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КАК ОБОСНОВАНИЕ ГИПОТЕЗЫ)

Rezumat

Elementul vestimentar „letnik” din componența costumului feminin rus medieval: o nouă perspectivă de abordare a subiectului (Implementarea metodei de reconstrucție pentru justificarea ipotezei)

În articolul dat se pune problema genezei și evoluției portului femeiesc din perioada medievală timpurie din Rusia – „letnik”. Autorul face o încercare de a reconstrui acest tip de port și propune o viziune nouă în funcție de utilizarea acestui element femeiesc de port în Rusia în perioada medievală timpurie până la începutul secolului al XVII-lea.

Cuvinte-cheie: port femeiesc, „letnik”, perioadă medievală timpurie din Rusia, reconstruire.

Резюме

Летник в женском костюме русского средневековья: новый взгляд на проблему (Опыт реконструкции как обоснование гипотезы)

В статье ставится проблема генезиса и эволюции наиболее яркого элемента женского русского средневекового костюма – летника. Предприняв попытку реконструкции этого вида одежды, автор предлагает по-новому взглянуть на бытование летника в России в период раннего средневековья до начала XVII в.

Ключевые слова: женский костюм, летник, русское средневековье, реконструкция.

Summary

Clothing item „letnik” in the Russian women’s costume of the Middle Ages: a new perspective to approach the subject (Implementation of reconstruction method to justify the hypothesis)

The article discusses the issues of the genesis and evolution of female clothing during the early medieval Russia – „letnik”. The author attempts to rebuild this type of outfit and proposes a new vision based on the use of this female clothing item in Russia in the early medieval period before the beginning of the XVII century.

Key words: female clothing, „letnik”, early medieval period in Russia, reconstruction.

Одним из самобытных видов одежды периода средневековья, ставшим своеобразной визитной карточкой русского национального костюма, является летник. Его изучение уже тем интересно, что до конца не ясна специфика его бытования в русском костюме. Это один из немногих исключи-

тельно женских видов одежды, чье появление было внезапным, как и исчезновение. Несмотря на его богатство, нет изображений русских цариц, одетых в летники. Не до конца ясен и вопрос его «анатомии». Так что же такое летник? Чем он был для русской женщины допетровской Руси? Постараемся ответить на эти вопросы или, по крайней мере, выстроить обоснованные гипотезы для их дальнейшей проработки.

С подачи исследователей XIX столетия И. Е. Забелина, П. Т. Савваитова летник определяется как «легкая, не слишком длинная одежда, с широкими и длинными рукавами» [15, с. 75]. Данная конструкция рукава, по мнению И. Е. Забелина, и определяет название летника «как одежды, открытой в рукавах, прохладной» [8, с. 520]. Несомненно, что логика в данной гипотезе есть, однако мы не знаем других примеров такого сложного словообразования для обозначения вида одежды. Тем более, когда речь идет о вполне утилитарной функции, где достаточно применить для названия конкретного вида одежды необходимый глагол. В качестве примера нагляднее всего привести слово *охабень*. Используемое в строительстве и фортификации в значении 'окружить, огородить что-либо', применительно к одежде глагол *охабить* прямо указывает на функцию – укрыть тело полностью. Во-вторых, известно, что для обозначения одежд, носимых в теплое время года, в старину могли к названию добавлять определение «холодные». Для аналогичных по покрою одежд на меху применялся термин «теплые». Однако для подбитого мехом летника существовали другие названия – *кортель* и *торлоп*, которые, надо заметить, отождествляются по покрою с летником только на основании наличия сходных названий элементов одежды. К такому относят вошвы и подольник – неперменные детали летника. Остается понять логику средневекового человека, не пожелавшего по каким-нибудь причинам именовать летний вариант кортеля или торлопа «холодными» либо называть летник, подбитый мехом, летником «теплым». В то же время это было сделано применительно к другому виду женской одежды – телогреям, которые именовались теплыми и холодными по вышеуказанному принципу. В-третьих, документы свидетельствуют о том, что летники кроились и носились не только летом, но и в более холодное время года. Летник был обязательной одеждой женщин-участниц сва-

дебного чина. Все это ставит под сомнение связь его необычной конструкции с вполне утилитарными функциями.

Попытка автора статьи реконструкции летника поставила ряд технологических задач, поиск решения которых потребовал критического анализа и пересмотра некоторых положений.

Записи Кроильных книг, где сосредоточена важная технологическая информация, необходимая для пошива одежды для царской семьи, вполне определенно указывают, что летники были одеждой средней. Об этом свидетельствует крайне малая для верхних одежд ширина подола, колеблющаяся в известных нам случаях от 202 до 216 см¹. Об этом пишет и английский дипломат Д. Флечер: «Под опашнем, или верхней одеждой, носят другую, называемую летником, шитую спереди без разреза, с большими широкими рукавами, коих половина до локтя делается обыкновенно из золотой парчи <...>» [19, с. 149]. Это описание способа ношения летника находит отражение и в изобразительных источниках. На миниатюрах Лицевого летописного свода (ЛЛС) летник легко узнается по широким рукавам, продетым в прорехи рукавов верхних одежд. Все это в совокупности создает возможности для точной материальной реконструкции этой одежды, если бы не ряд обстоятельств. Имеются изображения летников, которые предлагают иную версию его ношения и конструкцию. Прежде всего, речь идет о рисунках из книги барона А. Мейерберга, посетившего с дипломатическим визитом Россию в 1661–1663 гг. Эти рисунки стали классическими для демонстрации женских мод того времени в России. Если буквально «читать» рисунок, то мы видим две формы декоративной части рукава – подтреугольную и трапециевидную. Последняя представлена на рисунке, изображающем боярскую жену, принимающую гостей, тогда как наиболее пышные вошвы изображены художником на рисунках, где представлен выход царицы с ее придворными боярынями. Заметим, что на этих рисунках летник уже последняя одежда, которую надевали женщины. Применительно к этим рисункам интересно и другое наблюдение. Именно такая большая длина рукава соответствует данным Кроильной книги. Однако количество материи, выданной на декоративную и самую примечательную часть летника – вошвы, не всегда достаточно для пошива образца, полностью идентичного по своим внешним данным изображению на рисунках Мейерберга. Например, в 1648 г. на вошвы было выдано «1 аршин 2 вершка атласу золотного», то есть 81 см [7, с. 88]. С учетом узости дорогих тканей, известная ширина которых доходила до 60 см, выкроить вошвы, достаточные для рукава длиной в 125 см, кажется проблематичным². Еще один вариант кроя и отделки рукава женской одежды, близкой по покрою летнику, мы находим

среди рисунков к «Книге об избрании на царство царя Михаила Федоровича». Заметно, что рукав в развертке представляет собой трапецию, где нижний край не сшит. Обращает на себя внимание то, что узор широкого рукава контрастирует с тканью стана, из чего можно заключить, что это вошва, которая заменяет рукав. Также отметим, что одежда в данном случае распашная и, следовательно, перед нами распашница – вариант летника, отличающийся именно наличием разреза спереди. Таким образом, мы можем не без оснований предполагать наличие как минимум 3-х вариантов кроя рукава, вошев летника и родственных с ним распашниц, кортеля и торлопа. Остается детально определить эти конструкции.

В записях Кроильной книги имеются весьма скудные сведения о конструкции летника. «Летник атлас червчат, по нем травы золоты. Длина по передам до подольнику 2 аршина без чети, позади длина тож. Ширина аршин 5 вершков. Накапкам длина с полустану 2 аршина без чети, ширина накапкам 13 вершков, в корени ширина аршин без вершка; у вошев ширина 13 вершков. В подоле ширина 3 аршина» [8, с. 155]. Также известно о неких крыльцах для вошев. Вот, пожалуй, и вся информация, что делает реконструкцию летника максимально гипотетичной. Осложняет задачу реконструкции отсутствие сохранившихся подлинных летников, кортелей или их фрагментов, а также их бытования в крестьянской среде, что делает затруднительным поиск их аналогов в русском костюме более позднего периода. Все это заставило обратиться к иным регионам, что в конечном итоге позволило оформить новый взгляд на данный предмет одежды, незаслуженно забытый современными дизайнерами, работающими в сфере сохранения этнических традиций в языке современного русского костюма.

Вопрос о появлении летника в качестве женской одежды в России весьма непросто. Само слово *летник* предполагает его местное происхождение, ибо если произошло его заимствование из других культур, то оно должно было отразиться и на лексике, как это произошло с кафтаном, сарафаном, зипуном. В своем очерке «Русская одежда» Г. Г. Громов выдвинул предположение, что название «нужно производить не от слова „лето“, а от слова „летчина“ – вид сукна» [5, с. 213]. Однако это предположение не подтверждается: суконные летники не встречаются. Более интересной может выглядеть версия происхождения слова *летник* от близкого по звучанию древнерусского слова *лѣтъ*, которое употреблялось в значении 'можно', 'допустимо' [17, с. 79]. Тогда летник – одежда, допустимая для каких-то особых случаев, например свадебных церемоний, приемов гостей. В этом случае возможные трансформации внешнего вида летника под влиянием иных культур-

ных традиций могли и вовсе не затронуть лексику, тем более, если заимствованные аналоги выполняли ту же самую функцию – соответствовать дресс-коду особых церемоний.

Наиболее ранним в отечественной живописи изображением женской одежды с расширяющимися к запястью рукавами можно считать изображение жены князя Святослава Ярославича из «Изборника Святослава» 1073 г. Однако атрибутировать надетое на нее платье как классический летник можно лишь с большими оговорками. Только более поздние работы позволяют говорить уверенно об изображенных одеждах как о летниках. Причем надо отметить, что все они связаны с регионом Северо-Западной Руси – Новгородом и Псковом. Известно их немного. Это фрагмент фрески из церкви Успения в с. Мелетово Псковской обл., роспись которой датируется 1465 г., и икона «Молящиеся новгородцы», написанная около 1467 г. по заказу некоего Антипа Кузьмина, предположительно выходца из семьи новгородских бояр Кузьминых. В первом случае изображена пляшущая женщина, одетая в одежду с широкими (ширина ниже пояса) рукавами без какой-либо декоративной отделки. Во втором случае молящаяся новгородская боярыня одета соответственно статусу – рубашка, летник, опашень и убрус на голове. Рукав летника декорирован тканью и жемчугом, умеренно широкий и доходит до середины бедра. Именно такие рукава мы видим на миниатюре ЛЛС.

Здесь мы вновь должны вернуться к техническому вопросу реконструкции – «анатомии» одежды. Определив хотя бы внешние контуры вещи, мы можем на основе конструкции аналогичных видов одежд попытаться «препарировать» исходную. Но прежде чем начать такой поиск, следовало ответить на несколько вопросов. Первым был вопрос о том, почему вошву называли именно так? И. Е. Забелин считал, что вошва – это и то, что вышивается куда-либо, и просто вышитый кусок ткани. Однако другие декорированные шитьем детали летника имели свое название. Следовательно, слово *вошва* могло произойти от глагола *вшивать*, и она не могла быть простой окантовкой края рукава. В таком случае есть технический портновский термин *опушить рукав*. Рукава летников с икон и миниатюр по своей конструкции требуют как раз опушки, что, собственно, судя по изображениям, и сделал портной 2-й пол. XV – XVI вв. Вторым вопросом был вопрос о накапках. Так назывался рукав летника. Чем обусловлено такое название? Поиск в словаре И. И. Срезневского дал весьма далекий от рукава вариант значения – ‘головное женское покрывало, род фаты’ [17, с. 291]. Однако знакомство с документами, из которых автор словаря для иллюстрации привел цитаты, ставит под сомнение тезис, что наковки – непременно род фаты, хотя в одном

случае этот термин соседствует с каптуром – одним из основных видов женского головного убора. Более того, одна из цитат подсказывает более вероятную трактовку этого слова – налокотник, если принять тот факт, что капом называют нарост на дереве. Вот как выглядит эта цитата из жалованной грамоты великого князя Ивана III от 1499 г.: «И ты ея принял за наакпу и с места свел, и поставил свою жену» [1, с. 164]. С учетом того, что события развивались в церкви из-за спора о праве занимать место, сложно представить себе ситуацию, когда женщину взяли за фату, чтобы свести ее с места. А вот взять женщину под локоть кажется более пристойным вариантом поведения. Если теперь свести воедино данные, то мы можем констатировать тот факт, что наковка представляла собой некую конструкцию, которая сближала ее с покрывалом, то есть она свободно свисала по локтю, сшиваясь только в верхней части, которая формировала окат рукава в районе плеча. Не исключено, что именно по этой причине длина наковки в Кроильной книге определялась с «полустану», а вошвы вшивались в «крыльца». Последние известны еще и как деталь церковных хоругвей, которую мы можем видеть и сейчас – треугольные куски ткани, подшитые к основному полотнищу. Таким образом, наковка состояла из стана и крыльев. Вошвы завершали эту конструкцию, образуя широкий рукав. В завершение экскурсии в предполагаемые варианты кроя рукава летника заметим, что в одном из документов, к которым обратился И. И. Срезневский, упоминаются «наковки женские, сажены жемчугом» [6, с. 406]. Это позволяет рассмотреть в качестве гипотезы существование некой конструкции летника, где декоративную функцию несли наковки, а вошвы как таковые отсутствовали. Мы вновь видим три возможных варианта покроя этой детали одежды.

Вернемся к вопросу о генезисе и бытовании летника. И на данном этапе нас интересует вопрос: была ли смена фасона этой важной и статусной одежды для женщин средневековья, как это следует из изобразительных источников, и если была, то какими факторами она могла быть обусловлена?

По нашему мнению, одним из мощных факторов формирования русской одежды позднего средневековья и, особенно у представителей ее политической и социальной элиты, являлся процесс восприятия на себя Московским царством имперской идеи Византии. Борьба трех центров – Москвы, Константинополя и Вены – за право быть преемником Рима в полной мере отражалась на costume монарха, придворных, дизайне государственных регалий и дипломатическом протоколе. И хотя женщины Московской Руси не были вовлечены в активную манифестацию торжества православия перед глазами иностранцев, как стрельцы или рынды, их место в рамках «Руси-иконы» не было последним.

Софья Палеолог, Елена Волошанка, Елена Глинская, Мария Нагая, Софья Алексеевна – эти женщины определяли судьбу Руси не меньше, чем их супруги и сыновья. С некоторыми именами можно связать и те процессы трансформации русского костюма, о которых идет речь в данной статье.

Давно замечено, что, несмотря на ранние изображения женской одежды с широкими рукавами, слово *летник* появляется в документах не раньше начала XVI в. Серединой столетия датируется появление еще одного интересного предмета – волонника. Он представлял собой шапочку, связанную из шелковых ниток в технике филе, распространенной в Европе в XV столетии. Принято считать, что в Россию он попал с легкой руки Софьи Палеолог, стремившейся придать двору Ивана III более европейский вид, равно как преобразить и саму резиденцию ключников и постельничьих Божьих, как именовали себя, по словам С. Герберштейна, русские монархи. Не исключено, что в его правление претерпевает изменение и женская одежда все под тем же влиянием наследницы византийских василевсов.

К моменту приезда Софьи Палеолог в Рим, в Европе все еще господствует упелянд – верхняя одежда свободного покроя с широкими, достигающими земли рукавами. Появился упелянд во Франции в конце XIV в. и являлся в силу его высокой стоимости визитной карточкой благородного сословия. Это была одежда для торжественных случаев. К середине XV в. упелянд стал проникать в среду зажиточных горожан, но продолжал оставаться статусной одеждой. Женский упелянд отличался большими рукавами и наличием шлейфа. Это заставляло женщин ходить чуть отклонившись назад и постоянно держа руки у груди, в которых они удерживали приподнятый подол. Внешние черты упелянда, несомненно, отличны от летника, но нельзя исключать вариант его влияния через «гречанку Софью» на развитие форм русской придворной женской одежды. Особо интересен в нашем случае вариант кроя рукава этого европейского аналога, когда он представляет собой полосу материи, зашитую только в верхней части руки, а остальная ткань свободно лежит по локтю как в случае с накапками. Однако данное предположение нельзя подкрепить источниками. На шитой пелене, изготовленной, предположительно, в великокняжеских мастерских Елены Стефановны (Волошанки), невестки Ивана III, царица Софья (как и большинство женских фигур) изображена в одежде, напоминающей плащ. Только одна фигура одета в нечто, похожее на упелянд или летник. Однако оформление пол уже восточнославянское – горизонтальные петли и пуговицы, что не характерно и для летника. Упомянутые в документах начала XVI в. вошвы и накапки не дают нам возможности говорить о каких-либо конструктивных особенно-

стях этой одежды в XVI в.

Поиск наиболее рациональной методики кроя рукава, расширяющегося к запястью, вывел нас на покрой турецких женских рубах. Рукава кроились из прямоугольного куска ткани, к которому внизу подшивались два треугольных клина, основанием к запястью. По такой схеме, вполне возможно, кроились и рукава летника новгородской боярыни из клана Кузьминых. Обратив на это внимание и попытавшись найти аналоги в других регионах, автор определил, что этот крой был архаичным, наиболее рациональным и применим не только к простым рубахам турчанок. Похожие рукава (с той лишь разницей, что они не сшивались внизу) мы видим на парадной одежде византийских императриц – далматике³. Аналогичный крой наблюдается у рукавов парадных одеяний молдавского господаря П. Рареша и его семьи. Учитывая интенсивность русско-молдавских отношений во 2-й пол. XV в., перед лицом насущных геополитических задач, возникших перед государствами после завоевания Константинополя турками, и как итог – династический брак Елены Стефановны с Иваном Ивановичем, мы вполне можем говорить об этих процессах как о факторах, изменивших облик государева двора⁴. Проникнув в русскую культурную среду, такой покрой вполне мог быть трактован не как рукав, а как накапка, то есть то, что облекается вокруг локтя. Расшив их жемчугом, мы и получим «накапки сажень», что, вероятно, и изображено на рисунке из «Книги избрания на царство». Единичность же изображения такого варианта кроя может быть обусловлена бытованием данной модели летника исключительно в княжеской среде тех, кто принадлежал к дому Рюриковичей.

Итак, взяв за отправную точку изысканий конструкцию рукава летника, рассмотрев и апробировав на практике все возможные варианты кроя, можно с определенной долей уверенности говорить не просто о разнообразии этого вида одежды, но и о неких модных тенденциях на протяжении конца XV – XVII вв. Возникнув как некая «летняя», должностная случаю одежда, к началу XVI в. она приобрела устойчивый вид платья с широкими, до середины бедра, рукавами. Не исключено, что окончательный переход с ранних форм произошел в тот момент, когда Россия готовилась сделать очередной исторический шаг на пути принятия наследия Византии – учреждения патриаршества. Однако возможны и другие причины. Находившийся в это время в Москве Д. Флетчер отмечает, что боярыни «с недавнего времени перестали унижать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им» [19, с. 149]. Действительно, в документах того времени встречаются упоминания об использовании летника в городской среде Новгорода и Москвы. В этих условиях единственный

путь – придать статусной вещи новую форму, сохранив прежнюю функцию. На протяжении XVI–XVII вв. летник трансформируется под влиянием европейского и византийского дресс-кода привилегированного сословия, что и находит отражение в изобразительных источниках.

С изменением русской аристократией внешне-го вида при Петре I летник исчезает, как и многие другие виды одежды. На парадном портрете баронессы М. Я. Строгановой работы Р. Н. Никитина, написанном между 1721 и 1724 гг., мы можем увидеть знакомую по портретам молдавских господарей отделку по швам рукава, отсылающую нас к одеждам XVI в. Однако стан одежды, как и весь костюм баронессы, несет в себе европейские черты того времени. Рубашка с широкими рукавами присутствовала в одежде донских казаков, но сложно сказать, под каким влиянием – отечественным или турецким – сформировалась такая мода. В XIX в. при Николае I происходит процесс формирования нового облика императорского двора под влиянием концепции графа Уварова. Коснулось это и придворного женского костюма. Новые платья шьются с так называемым русским рукавом, представлявшим собой не зашитую спереди полосу ткани. В таком виде придворное платье просуществовало до падения империи. Но до настоящего времени, не изменив формы, русский рукав, восходящий к боярским летникам XVII столетия, сохранился в традиционном женском костюме народов Кавказа.

Примечания

¹ Более подробно данные о размерах летников см.: Забелин И. Е. Материалы к работе «Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях». Т. II. М., 1872. С. 72, 74, 80, 82, 83, 88-90, 133.

² При реконструкции летника автором было затрачено: 620 см шелковой ткани для стана и напак, что меньше данных Кроильной книги на 90 см, и 150 см парчи для вошв. Надо заметить, что использование ткани с рисунком диктует несколько иные приемы раскроя с целью сохранения эстетики узора. Изготовление вошв из бархата потребовало 108 см.

³ В конечном итоге это сходство определило покрой стана одежды из прямых полотнищ с боковыми клиньями.

⁴ Интересно заметить, что на одном из изображений отец княгини Елены Волошанки Стефан Великий одет в безрукавный вариант упеянда.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб., 1841.
2. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинника в натуральную величину. С приложением карты пути Цесарского посольства 1661–62 гг. СПб., 1903.

3. Герберштейн С. Московия. М., 2007.
4. Громов Г. Г. Русская одежда. В: Очерки русской культуры XVI в. Ч. I. М., 1977.
5. Духовная грамота князя Дмитрия Ивановича. В: Собрание государственных грамот и договоров хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. I. М., 1813.
6. Ефимова Л. В. Древнерусская одежда и русский народный костюм XV – начала XX века. В: Костюм в России XV – начала XX века. М., 2000.
7. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. II. М., 1872.
8. Захаржевская Р. В. История костюма: От античности до современности. М., 2004.
9. Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII вв. В: Древнейшая одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986.
10. Логинов А. Н. Русская традиция в одежде донских казаков XVI–XIX вв. В: Вестник ВолГУ. Серия 4. Вып. 8. Волгоград, 2003.
11. Рисунки, принадлежащие к книге об избрании на царство великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича. СПб., 2009.
12. Русская иконопись: Кн. Евгений Трубецкой. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М., 2006.
13. Савваитов П. И. Материалы по истории русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора: Извлечение из рукописей архива Московской Оружейной палаты. С объяснениями и указателями Павла Савваитова. СПб., 1865.
14. Свадебный чин. В: Как жену учить, как себя лечить, как судьбу узнать. СПб., 2008.
15. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. Л-П. СПб., 1902.
16. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа. XVIII–XX вв. М., 1989.
17. Флетчер Д. О государстве русском. В: Россия XVI в. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
18. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2005.

References

1. Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoy komissiiy. T. 1. SPb., 1841.
2. Al'bom Meyerberga. Vidy i bytovye kartiny Rossii XVII veka. Risunki Drezdenskogo al'boma, vosproizvedennye s podlinnika v natural'nyu velichinu. S prilozheniem karty puti Tsarskogo posol'stva 1661–62 gg. SPb., 1903.
3. Gerbershteyn S. Moskoviya. M., 2007.
4. Gromov G. G. Russkaya odezhd. In: Ocherki russkoy kul'tury XVI v. Ch. 1. M., 1977.
5. Dukhovnaya gramota knyazy Dmitriya Ivanovi-cha. In: Sbranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov khranyashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del. Ch. 1. M., 1813.
6. Efimova L. V. Drevnerusskaya odezhd i russkiy

narodnyy kostyum XV – nachala XX veka. In: Kostyum v Rossii XV – nachala XX veka. M., 2000.

7. Zabelin I. E. Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh. T. II. M., 1872.

8. Zakharzhevskaya, R. V. Istoriya kostyuma: Ot antichnosti do sovremennosti. M., 2004.

9. Rabinovich M. G. Odezhda russkikh XIII–XVII vv. / Drevneyshaya odezhda narodov Vostochnoy Evropy: Materialy k istoriko-etnograficheskomu atlasu. M., 1986.

10. Loginov A. N. Russkaya traditsiya v odezhde donskikh kazachek XVI–XIX vv. In: Vestnik VolGU. Seriya 4. Vyp. 8. Volgograd, 2003.

11. Risunki, prinadlezhashchie k knige ob izbranii na tsarstvo velikogo gosudarya, tsarya i velikogo knyazya Mikhaila Fedorovicha. SPb., 2009.

12. Russkaya ikonopis': Kn. Evgeniy Trubetskoy. Umozrenie v kraskakh. Vopros o smysle zhizni v drevnerusskoy religioznoy zhivopisi. M., 2006.

13. Savvaitov P. I. Materialy po istorii russkikh utvarey, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhev i konskogo pribora: Izvlechenie iz rukopisey arkhiva Moskovskoy Oruzheynoy palaty. S ob»yasneniyami i ukazatelyami Pavla Savvaitova. SPb., 1865.

14. Svadebnyy chin. In: Kak zhenu uchit', kak sebya lechit', kak sud'bu uznat'. SPb., 2008.

15. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 2. L-P. SPb., 1902.

16. Studenetskaya E. N. Odezhda narodov Severnogo Kavkaza. XVIII–XX vv. M., 1989.

17. Fletcher D. O gosudarstve russkom. In: Rossiya XVI v. Vospominaniya inostrantsev. Smolensk, 2003.

18. Shepelev L. E. Tituly, mundiry i ordena Rossiyskoy imperii. M., 2005.

Dmitri Korenev (Oriol, Federația Rusă). Doctor în istorie, Universitatea de Stat „I. S. Turghenev” din Oriol.

Дмитрий Корнев (Орел, Российская Федерация). Кандидат исторических наук, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева.

Dmitry Korenev (Oryol, Russian Federation). PhD in History, Oryol State University „I. S. Turgenev”.

E-mail: boyarin@orel.ru

Вячеслав СТЕПАНОВ

ОЧЕРКИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПРАКТИК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВЫ

Rezumat

Studii cu privire la practicile funerare și comemorative prezente în mediul populației ruse din Republica Moldova

În baza materialului empiric, adunat în conformitate cu un chestionar special elaborat, în articol sunt prezentate într-o formă narativă reprezentările din practica funerară și de pomenire a populației ruse din Republica Moldova. O atenție specială este rezervată specificului denumirii obiceiurilor din mediul lipovenilor (rușilor de rit vechi).

Cuvinte-cheie: obiceiuri funerare și de pomenire, înmormântare, populație rusă, lipoveni, moarte, interacțiune interetnică.

Резюме

Очерки похоронно-поминальных практик русского населения Республики Молдовы

В статье на основе эмпирического материала, собранного по специально разработанному вопроснику, в очерковой форме представлены похоронно-поминальные практики русского населения Республики Молдова. Особое внимание уделяется специфике названной обрядности в среде старообрядческого населения.

Напутствие, написанное на воротах кладбища с. Кунича (фото автора)

Ключевые слова: похоронно-поминальная обрядность, русские, старообрядцы, смерть, межэтническое взаимовлияние.

Summary

Anthropological studies concerning funeral and commemorative ritualism of the Russian population in the Republic of Moldova

Funeral and commemorative practices of the population of the Republic of Moldova are presented in the